

УДК 008, 130.2

Флиер А.Я.

ПРИРОДА КУЛЬТУРЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье раскрывает авторское представление о культуре, как продукте исторической трансформации программы социального поведения животных, и рассматриваются некоторые закономерности ее исторического развития, взаимообусловленность темпов социального развития общества и динамики культурной изменчивости, сохранности культурной самобытности и уровня социального контроля индивида.

Ключевые слова: культура, поведение, культурная изменчивость, культурная самобытность, социальный контроль.

Понимание и интерпретация проблемы происхождения и развития культуры самым существенным образом зависят от того, что тот или иной ученый понимает под культурой, как он трактует ее сущность и социальную функцию, и позиции, которой он придерживается в вопросе о происхождении человека.

Я понимаю под культурой наиболее общую форму осуществления человеческой социальности, выражение врожденной склонности людей к коллективным формам жизнедеятельности. Культура является системным сводом наиболее общих принципов и правил такого порядка группового существования, обеспечивающим конструктивное протекание процесса социального сожительства людей. Я вижу в культуре исторически сложившую систему взаимоотношений между людьми по поводу нормативных порядков их совместной жизнедеятельности, средство поддержания и регулятивного обеспечения основных принципов такого соседства и взаимодействия.

В этом вопросе я расхожусь с Э.С.Маркаряном, который относил взаимоотношения между людьми по поводу их коллективного существования к области интересов социологии [1]. На мой взгляд, социология исследует взаимодействия между социальными группами, реализующими свои прагматические интересы. А взаимоотношения между людьми, отражающие ценности и нормы их коллективного существования, – это уже научный предмет культурологии.

А популярные в массовом сознании «положительные» свойства культуры, такие как гуманность, нравственность, утонченность, этичность, эстетичность и т.п., представляют собой лишь развитие определенных ее внутренних интенций, связанных с обеспечением коллективного характера человеческого Бытия, и являются, на мой взгляд, не исходными, а производными ее характеристиками. Культура прежде всего нормативна, а «положительна» она лишь в идеальном своем воплощении. Кстати, культура обладает и целым рядом исторически обретенных свойств, противоречащих современным тенденциям социального развития: она категорична в предпочтении «своего» и нетерпима к «чужому», она ограничивает социальную свободу человека только «разрешенными» моделями поведения, она ориентирована на прошлое как на эталон и с недоверием относится ко всему новому и т.п. [2].

Первостепенными функциями культуры являются стимулирование социальной интеграции людей в устойчивые коллективы и обеспечение достаточно плотной коммуникации между их участниками. В этой связи показательно, что территориальные пределы распространения тех или иных локальных культур, как правило, ограничиваются именно разрывами в необходимой плотности коммуникации (что связано с употреблением иного разговорного языка за этими границами).

Таким образом, основными инструментами культуры являются социальное поведение и коммуникация, которые на раннем этапе истории, воплощаются в обычае и языке. Именно они обеспечивают социальную консолидацию коллектива и интенсивный информационный обмен в его рядах. Далее уже начинаются процессы развития:

- обычай развивается в ритуал и этикет, затем в законы и, наконец, в принципы и допустимые пределы социальной свободы, регулирующие социальное поведение человека, и т.п.;
- разговорный язык развивается в письменный язык, в язык художественных образов, в языки социально значимых символов, социального маркирования человека, церемониального проведения и пр.

Но главное заключается в том, что культура при всем многообразии своих частных функций в целом представляет собой определенную норму социального взаимодействия и коммуницирования, которая исполняется на практике большинством членов общества, передается от поколения к поколению методами воспитания и образования и постоянно активно манифестируется средствами социального ритуала, религии, литературы, искусства и т.п. [3]. При

этом, как представляется, нужно различать наблюдаемые и более или менее массово распространенные формы социального поведения людей, которые в совокупности могут быть названы их «социальной практикой», и пропагандируемые, внедряемые и поощряемые нормы, эталонные образцы «правильного» социального поведения, которые называются «культурой» рассматриваемого общества.

Если придерживаться эволюционной концепции антропогенеза, то вопрос об историческом происхождении культуры неизбежно упирается в проблему того, в какой мере человеческая культура является развитием инстинктов социального поведения, свойственным высшим животным (в частности и приматам), а в какой мере культуру можно понимать как набор признаков, принципиально отличающих человека от его биологических предков.

Несомненно, человеческая культура обладает и теми, и другими свойствами, но в большей мере – чертами общности с социальным поведением животных. Культура содержит в себе очевидные родовые признаки своего генезиса, заимствованные из биологической программы социального поведения стадных животных; она функционально выполняет ту же консолидирующую роль, регулируя взаимоотношения индивидов в группе и способствуя их взаимопониманию и доверию, по своим регулятивным и коммуникативным возможностям адекватную возможностям человеческого сознания и образу человеческой жизнедеятельности. В социальном поведении животных наблюдается (и по мере осуществления новых исследований все больше и больше раскрывается) значительная часть принципиальных характеристик, свойственных человеческой культуре, как социально-регулятивной системе [4]. Понятно, что полнота проявления этих характеристик ограничивается уровнем развития сложных психических реакций, свойственных тому или иному виду.

Вместе с тем, число характеристик, принципиально отличающих человеческую культуру от социального поведения животных, сравнительно невелико и обусловлено большими возможностями человеческой психики, сознанием, речью и пр. [5]. И у разных видов животных имеются свои достаточно эффективные способы обмена важной информацией, разумеется, не сопоставимые с человеческой речью, но вполне адекватные образу жизни, который ведут эти животные. Конечно, у животных нет таких специфических способов манифестации своих культурных взглядов и предпочтений, как например, искусство. Но, наверняка есть какие-то инстинкты, которые функционально играют ту же роль в регуляции их поведения, какую играет искусство в регуляции поведения и сознания человека (эмоционально стимулирующее желательное социальное поведение и отношение к жизни). Нужно помнить, что мы еще очень мало знаем о поведении животных; системные этологические исследования в рамках зоопсихологии начались только в XX веке, а возможность длительного дистанционного наблюдения за поведением животных в естественных условиях появилась лишь несколько десятилетий назад [6].

Так или иначе, нет сомнений в том, что человеческая культура является продуктом эволюционного развития инстинктов социального поведения стадных животных и похожа на своего родового предка в той же мере, насколько человек похож на животных (человекообразных обезьян) в целом. Как известно, генетическое отличие человека и приматов составляет от 1 до 2% [7]. Но это незначительное различие дает колоссальный качественный эффект, обусловленный развитием и возможностями человеческого мозга [8]. Примерно то же самое можно сказать и о различиях между социальным поведением животных и человеческой культурой. По своим основным функциональным и процедурным характеристикам подобное поведение животных не очень отличается от человеческой культуры. В нем также имеют место:

- взаимодействие (причем, иногда довольно сложное), взаимная помощь и поддержка;
- разделение функций при коллективных действиях (например, при добывании пищи, обустройстве жилища, обороне, а также половозрастная дифференциация форм деятельности);
- преобразование территории обитания (строительство жилищ, вытаптывание троп и пр.);
- наличие социального неравенства (доминанты, субдоминанты, изгои и пр.) и внутренний популяционный этикет, пиетет младших по возрасту и статусу по отношению к старшим;
- обучение молодняка;
- игры (брачные, учебные, развлекательные);
- определенные правила брачных отношений и раздела добычи;
- довольно интенсивный обмен информацией – звуковой, визуальный, (позами, телодвижениями, мимикой), ольфакторный (запахами) [9].

Приматам свойственны и такие проявления, как эпизодическое использование орудий (камней, веток, палок и пр.) и даже хулиганство (осуществление вредоносных действий ради развлечения; это свойственно и некоторым домашним животным – кошкам, собакам) [10].

Основное различие заключается в том, что животное осуществляет свою жизнедеятельность в целом на основании устойчивой инстинктивной программы и не способно к быстрым переменам своих поведенческих стереотипов. Такое изменение имеет место только при определенном накоплении соответствующего опыта (например, в процессе дрессировки). Человек же обладает сознанием и в принципе способен моментально отрефлексировать и откорректировать свое поведение в соответствии со складывающейся ситуацией; он легко обучаем. Этим определяются основная принципиальная разница между социальным поведением животных и социальным поведением человека, называемым культурой. Но культура по своей основной социальной функции – это именно нормативное социальное поведение человека, которое по существу аналогично социальному поведению стадных животных и превосходит его лишь качественно.

Отмеченное качественное превосходство накапливалось в социальном поведении гоминид очень постепенно в течение 2-3 миллионов лет и в основном соответствовало этапам биологического становления человека. В этой связи можно утверждать, что «рождения культуры» как такового не

было, ни как одномоментного события, ни как растянутого во времени процесса, имеющего точки начала и конца. Свое происхождение культура ведет от самых простейших форм групповой биологической жизни на Земле и представляет собой определенный этап исторической эволюции этих форм. Ее начало – это появление групповой формы существования биологических систем, возникновение которой является пока предметом гипотез [11].

В течение своей истории культура прошла очень сложный путь развития, при анализе которого можно отметить и описать некоторые регулярности, которые я склонен считать историческими закономерностями эволюции культуры.

Как известно, социокультурное состояние локальных сообществ (народов) не является постоянным, исторически неизменным. С течением времени многие параметры этого состояния меняются, что фиксируется по всему комплексу внешних проявлений, которые в совокупности называются «культурой того или иного народа». Культура и последовательность ее изменений представляют собой наглядное выражение прожитой истории всякого общества. Эволюционисты определяют последовательность таких социокультурных изменений как «прогрессивное развитие», имея в виду, что в ходе истории постепенно нарастает сложность организационно-регулятивных порядков внутреннего социального устройства общества и его внешних культурных манифестаций [12]. Разумеется, каждый народ социально развивается в своем особом темпе, что в существенной мере зависит от особенностей условий его существования, степени его географической изолированности, сложности природных и политических обстоятельств жизни и пр. Такая изменчивость может иметь как заметную динамику, так и замедленный темп, практически не различимый в ходе наблюдений. Тем не менее, и в последнем случае изменчивость имеет место, но для ее выявления требуется обобщение материалов наблюдений за несколько тысячелетий, каковыми современная наука не обладает.

В тех же случаях, когда развитие социальных и культурных порядков исторических сообществ самоочевидно и может быть наглядно обобщено и систематизировано, в этом развитии помимо признаков прогресса (т.е. структурного и функционального усложнения) наблюдается и еще ряд закономерностей исторической изменчивости.

Первая закономерность заключается в том, что в ходе исторического развития общества углубляется уровень специализированности в деятельности людей. С каждой новой эпохой человек-деятель утрачивает навыки универсала, владеющего всеми технологиями, применяемыми в данной области социальной практики, и становится все более узким специалистом, владеющим технологиями только в какой-то локальной специализации этой области. Одновременно увеличивается и глубина его познаний и качество профессиональных навыков. На примере медицины или инженерной деятельности этот процесс наблюдается наиболее наглядно. Эту тенденцию еще в конце XIX в. выявил Эмиль Дюркгейм и объяснил ее

причины последовательным усложнением технологий в любой сфере деятельности, что требует более узкой специализации работника [13].

Однако эта тенденция приводит и к определенным социокультурным следствиям. Благодаря последовательному углублению специализации нарастает темп и объем изменений, новаций, усовершенствований в любой области деятельности. Это происходит потому, что работа узкого специалиста постепенно обретает все более творческий, рационализаторский характер, что постепенно становится одной из осмысленных задач его профессиональной практики. В некоторых сферах уже в наше время постепенно стирается четкая граница между работой специалиста-исполнителя и специалиста-исследователя. Понятно, что в разных профессиональных областях эта тенденция развивается с разной интенсивностью.

Благодаря этому, темп изменчивости культуры в ходе истории в целом нарастает [14]. В области материального производства это явление называется научно-технической революцией, в которой можно выделить:

- первый этап, связанный с переходом к производящему хозяйствованию в неолитическую эпоху;
- второй этап – становление городских цивилизаций и рождение креативного типа деятельности в 3-4 тыс. до н.э.;
- третий этап – формирование мануфактурного производства на заре индустриальной эпохи;
- начиная с XIX в., эта революция протекает уже как непрерывная модернизация всей научно-технической деятельности.

Но и в искусстве мы наблюдаем такую же нарастающую динамику перемен художественных стилей, в науке – ускоряющуюся смену принципов и парадигм познания и обобщения, в социальной жизни – эволюцию от доминирующих кровнородственных отношений сначала к религиозно-политическим, а затем к национально-политическим и далее к социально-культурным отношениям. И так во всем. Отмеченная тенденция охватывает практически все области жизни, постепенно вытесняя традиционную модальность социального Бытия в маргинальное поле этого Бытия.

Мы видим, что в полном соответствии с темпом социального развития общества нарастает темп изменчивости его культуры. Это можно определить как очевидную закономерность исторической социокультурной динамики. Эмпирически она была замечена уже давно. И объясняется это, по моему мнению, процессом углубления специализации в деятельности людей и нарастанием творческого характера этой деятельности.

Другая закономерность социокультурной динамики заключается во взаимозависимости темпов социокультурного развития общества и уровня локальной самобытности его культуры. Мы хорошо знаем, что все этнические, а затем и национальные культуры отличаются более или менее

выраженной самобытностью своих конкретно-исторических черт, благодаря которым мы и различаем эти культуры между собой, и в связи с чем на конкретно-историческом уровне обобщения следует говорить не о культуре вообще, а о множестве различных самобытных культур.

Однако рассмотрение этого явления в исторической динамике показывает, что степень выраженности локальной культурной самобытности того или иного общества в существенной мере определяется темпом его социального развития. Когда динамика развития общества ускоряется, понижается уровень его культурной самобытности; при замедлении темпа социального развития возрастает культурная специфичность. То, что за ускорение динамики развития приходится расплачиваться потерей изрядной доли традиционной культурной специфичности, мы хорошо знаем на примерах реформ Петра Великого в России, революции Мэйдзи в Японии, реформ Кемала Ататюрка в Турции и др. То, что усиление культурной самобытности сопряжено с застоем в социальном развитии, мы также можем наблюдать в собственной истории на примере Московского царства или по некоторым периодам истории Китая (например, эпоха Цинь).

Следует сказать, что локальная культурная самобытность не имеет единой причины своего возникновения; речь может идти о совокупности многих факторов, породивших это явление. Но самой важной причиной представляется ситуация коммуникативной изоляции, в которой какое-то время пребывало то или иное сообщество. На ранней первобытной стадии развития здесь основную роль играла географическая изоляция коллективов друг от друга, затем к ней прибавилась лингвистическая, политическая, религиозная и иная изоляция [15]. В первобытную и аграрную эпохи с их крайне медленными темпами социального развития локальная культурная самобытность играла важную роль в обеспечении практической устойчивости обществ как самостоятельных социальных единиц. Но при ускорении социального развития общество усиливает свои связи с соседями, активно заимствует передовые экономические, социальные, военные и иные технологии. Плотность коммуникативных барьеров при этом начинает ослабевать [16]. В этих условиях начинает деградировать и выраженность культурной самобытности, которая становится просто избыточной для новых задач развития.

Мне представляется, что локальная самобытность – это отнюдь не обязательная форма Бытия культуры, а лишь частный случай этого Бытия, детерминированный природно-историческими обстоятельствами, прежде всего социальной самодостаточностью локального сообщества на ранних стадиях его истории и той или иной степенью изолированности его существования. Но в ходе индустриального и постиндустриального развития обществ их социальная самодостаточность начинает сдерживать прогресс во всех сферах жизни. В противовес этому нарастает обмен информацией, опытом и знаниями между народами, коммуникативные барьеры размываются, и при этом снижается функциональная значимость культурной самобытности и

черты ее выраженности. Чем выше темп социального развития, тем активней протекает этот процесс.

Вместе с тем, полное исчезновение локальной культурной самобытности в перспективе представляется маловероятным. Все общества социально неоднородны. И в каждом обществе всегда будет существовать прослойка людей, обладающих пониженной конкурентоспособностью в любой деятельности, особенно в наиболее новационных ее направлениях, которых условно можно назвать социальными аутсайдерами. Именно для этих людей демонстрация местной культурной самобытности останется основной формой их социального самовыражения, психологической компенсацией их неконкурентоспособности в иных областях социальной практики [17].

Третья закономерность социокультурной динамики, которая здесь рассматривается, заключается во взаимозависимости между уровнем социокультурного развития общества и параметрами социальной свободы человеческой личности. Эта взаимозависимость выражается в том, что по мере развития общества и усложнения его социальной структуры поэтапно ослабевает общественный контроль над человеческой индивидуальностью, и она получает больший простор для своей социальной и культурной самореализации, т.е. большую социальную свободу. Уровень жесткости общественного контроля над индивидом в общностях первобытной стадии развития, выражавшийся в многочисленных табу, ритуалах, обрядах и пр., была существенно выше, чем контроль сельской общины над земледельцем аграрной эпохи, выраженный в системе этнографических и религиозных обычаев и сословных ограничениях. Такой контроль еще больше сокращается по отношению к горожанину индустриальной эпохи, который уже имеет определенные гражданские права и пользуется узаконенными политическими свободами. На постиндустриальной стадии развития получает приоритет свобода культурного самовыражения человека. Вектор развития ситуации в направлении расширения социальной свободы индивида здесь совершенно очевиден.

Чтобы понять социальную обусловленность этого процесса, нужно представить себе человеческую культуру как одну из программ социального поведения живых существ, о чем говорилось в начале статьи. Социальное поведение животных регулируется в основном системой инстинктов, которые транслируются генетически и задают комплекс типовых реакций на типовые жизненные ситуации. В ходе антропогенеза популяционные животные инстинкты в существенной мере были вытеснены другой программой социального поведения – этническим обычаем. Обычай по существу представляет собой аналог инстинктивного поведения; он также построен на типовых реакциях на типовые жизненные ситуации, но его информационной основой являются, по всей видимости, архетипы сознания и ментальности, которые не наследуются генетически, а передаются посредством подражания (импринтинга) от родителей к детям. Разумеется, важнейшую роль в наследовании обычаев играет и процедура специального обучения детей устоявшимся правилам поведения. Но все-таки импринтинг – механическое запоминание детьми

образцов поведения родителей – представляется в этом случае более важным. На этой трансляции обычаев и была построена традиционная культура первобытной и аграрной эпох. Жизнедеятельность сельских работников в деревне, составлявших абсолютное демографическое большинство населения ранних исторических эпох, в принципе не требовала иной, более сложной поведенческой программы.

Ситуация принципиально меняется с переходом на индустриальный уровень развития и особенно с началом масштабной урбанизации. Жизнь в индустриальном городе уже не может быть надежно обеспечена типовыми реакциями на типовые ситуации. Здесь требуется иная модальность социального поведения, в основе которой лежит способность человека к моментальным импровизациям в совершенно не типичных жизненных ситуациях, возникающих постоянно. И на смену обычаю формируется другая поведенческая программа – система рационального поведения. В отличие от обычая и его императивных установок, рациональное поведение определяется самим человеком, его разумом и ограничено достаточно абстрактными законами, регулирующими поведение в экстремальных ситуациях. Право человека на рациональное поведение, определяемое его разумом, – это и есть свобода. Доверие общества разуму человека ведет к постепенному ослаблению социального контроля над его поведением, невмешательству в его личную жизнь, внешний имидж и прочие индивидуальные проявления, не представляющие опасности для окружающих [18].

Итак, на протяжении человеческой истории мы можем наблюдать смену программ социального поведения *Homo sapiens*, воплощаемых и выражаемых в культуре. Эволюция идет от популяционного инстинкта, преобладавшего на стадии антропогенеза, к этническому обычаю, регулировавшему поведение людей на первобытной и аграрной стадиях, и далее к свободному рациональному поведению членов гражданского общества на индустриальной и начинающейся постиндустриальной стадиях социальной эволюции. И это прямое следствие социального развития, которое проходит общество в ходе своей истории.

Приведенный перечень, конечно, не исчерпывает все закономерности, регулирующие социокультурное развитие человечества, но он позволяет спрогнозировать некоторые тенденции обозримого культурного будущего. В нем можно ожидать, во-первых, ускорение темпа перемен культурных форм, стилей, порядков. Во-вторых, ожидается понижение актуальной значимости национальной самобытности культуры, постепенно превращающейся в специфическую субкультуру традиционалистской части населения. И, в-третьих, в качестве определенной компенсации снижения значимости национального начала следует ожидать повышение роли и значимости индивидуального начала в культуре, уже не только в художественной, что фактически наблюдается со времен Ренессанса, но теперь и в социальной культуре. Разумеется, этот прогноз касается обозримых культурных перспектив развитых постиндустриальных стран. Актуальность этого прогноза для России будет зависеть от темпов и особенностей ее постиндустриального развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. об этом: *Межуев В.М.* Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания // Культурологическая парадигма: исследования по теории и истории культурологического знания и образования : Науч. альманах. Вып. 1. Познавательные возможности культурологии. – М.: Согласие, 2011. – С. 20.

[2] См. об этом: *Флиер А.Я.* Неизбежна ли культура? // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI. – Вып. 1. – № 46-47.

[3] См.: *Богатырева О.А.* Социальные циклы в живой природе: неэволюционная парадигма. Ч. I. – Новосибирск: ИФП СО РАН, 1994.

[4] *Lorenz, K. Z.* Das sogenannte Böse zur Naturgeschichte der Aggression. Wien: Verlag Dr. G Borotha-Schoeler, 1963 (*Лоренц К.* Агрессия (так называемое зло). – М.: Прогресс-Универс, 1994); *Lorenz, K. Z.* Studies in Animal and Human Behavior. – Harvard: Harvard University Press, Volume I, II, 1970-1971; *Tinbergen, N.* Social behavior in animals. – London: Methuen, 1953 (*Тинберген Н.* Социальное поведение животных. – М.: Мир, 1993); *McFarland, D.* Animal Behavior Psychology. Ethology and Evolution. – Boston: University of Oxford, Pitman, 1998. (*Мак-Фарленд Д.* Поведение животных: Психобиология, этология и эволюция. – М.: Мир, 1988); *Плюснин Ю.М.* Инвариантные структуры отношений в биологических и социальных системах // Дисс. в форме научного доклада на соиск. уч. ст. доктора философских наук. – Новосибирск: ИФП СО РАН, 1993.

[5] *Бутовская М.Л., Плюснин Ю.М.* Принципы организации пространственного поведения у человека и высших приматов (сравнительный анализ) // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. – М.: Изд-во института этнологии и антропологии РАН, 1995.

[6] *Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. – М.: Научный мир. 2004. Об этом см. также: *Кирсанов В.Н.* Краткий курс истории антропогенеза или сущность и происхождение труда, сознания и языка. – М.: Палея, 1999.

[7] *Боринская С.А.* О генетических отличиях человека и шимпанзе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://antropogenez.ru/article/75/>; *Дробышевский С.В.* Достающее звено [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://antropogenez.ru/zveno/>

[8] Об этом см.: *Morris, D.* The Naked Ape: A Zoologist's Study of the Human Animal. – L.: Delta, 1969 (*Моррис Д.* Голая обезьяна. Человек с точки зрения зоолога. – СПб.: Амфора, 2001); *Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. – М.: Педагогика-пресс, 1994.

- [9] Филиппова Г.Г. Зоопсихология и сравнительная психология: учебное пособие для вузов. – М.: Академия, 2007.
- [10] См.: Мак-Фарленд Д. Указ. соч.
- [11] Avila, Vernon L. Biology: Investigating Life on Earth. – Boston: Jones and Bartlett, 1995. P. 11-18.
- [12] Семёнов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. – М.: Старый сад, 1999.
- [13] Durkheim, É. De la division du travail social. Paris: Presses Universitaires de France, 1893 (Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии.– М.: Наука, 1991).
- [14] Об этом см.: Флиер А.Я. Вектор культурной эволюции // Обсерватория культуры. – 2011. – № 5.
- [15] Дьяконов И.М. Пути истории. – М.: Наука, 1994.
- [16] Савельева И.М., Полетаев А.В. Социология знания о прошлом: Учебное пособие для вузов. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
- [17] См. об этом: Астафьева О.Н., Флиер А.Я. Социокультурная модернизация: формирование новой культурной среды [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2013. № 1. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/182.html&j_id=13.
- [18] См. об этом подробнее: Флиер А.Я. Границы мультикультурализма // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2012. –№ 2.

© Флиер А. Я., 2013

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2013 г.

Флиер Андрей Яковлевич,

доктор философских наук, профессор,

главный научный сотрудник

Отдела прикладных культурологических исследований

и образования в сфере культуры и искусства,

Российский институт культурологии (Москва),

e-mail: andrey.flier@yandex.ru

UDC 008, 130.2

Flier A.

THE NATURE OF CULTURE AND THE PATTERNS OF ITS DEVELOPMENT

Abstract. The article presents the author's view of culture as of a product of historical transformation of animals' social behavior program, and also reviews some patterns of its historical development such as the interdependence between pace of social development and dynamics of cultural variability, between preservation of cultural identity and level of social control over an individual.

Key words: culture, behavior, cultural variability, cultural identity, social control

Flier Andrei Yakovlevich,

Doctor in Philosophy, Professor,
Principal Researcher of the Department
for Strategies of Sociocultural Policy
and Modernisation Processes,
Russian Institute for Cultural Research (Moscow),
e-mail: andrey.flier@yandex.ru